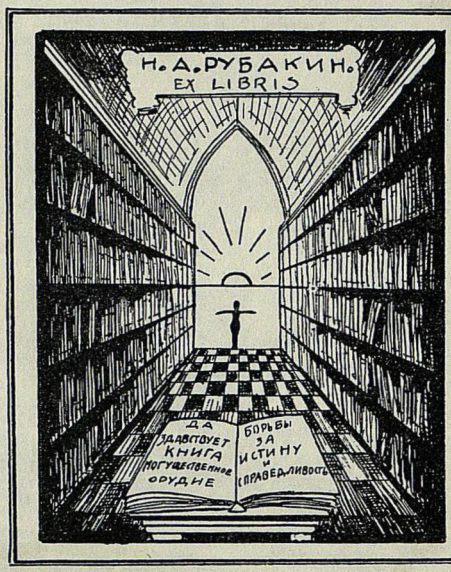
Редакція Ф. Дѣдова, Н. Максимова, С. Нечетнаго и А. Рудина.

В. М. Черновъ.

Къ вопросу о выкупѣ земли.

Ц. 10 коп.

„Въ знаніи и борьбѣ—сила и право"
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Вл. Распопова.
1906.


Н. А. РУБАКИН.
EX LIBRIS
ДА
ЗДРАВСТВУЕТ
КНИГА
МОГУЩЕСТВЕННОЕ
ОРУДИЕ
БОРЬБЫ
ЗА
ИСТИНУ
И
СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Редакція Ф. Дѣдова, Н. Максимова, С. Нечетнаго и А. Рудина.

В. М. Черновъ.

Къ вопросу о выкупѣ земли.

„Въ знаніи и борьбѣ—сила и право"

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе **Вл. Распопова.**

1906.

Типографія «Сѣверъ», А. М. Лесмана, Спб., Садовая ул., 42.

I.

Настоящія условія Россіи во многомъ приводятъ на память шестидесятые годы. Тогда нашей родинѣ предстояла ликвидація общественнаго порядка, базой котораго было рабство—крѣпостное рабство. Теперь наступила эпоха разсчета со строемъ, основаннымъ на рабствѣ политическомъ. Какъ тогда, такъ и теперь ликвидируемый строй настолько изжилъ себя, настолько прогнилъ насквозь, что внѣшняя война немедленно вывела наружу весь ужасъ, весь позоръ, всѣ бѣдствія, которые онъ уготовалъ странѣ, имѣвшей несчастіе терпѣть его такъ долго. Наконецъ, какъ тогда, такъ и теперь вопросъ политическій, правовой оказался неразрывно связаннымъ съ вопросомъ соціально-экономическимъ. Какъ тогда, такъ и теперь возникаетъ жгучій вопросъ объ экономической базѣ новаго, свободнаго общественнаго уклада. Какъ тогда, такъ и теперь дѣлается несомнѣннымъ, что въ отношеніяхъ собственности неминуемо должна произойти глубокая перетасовка. Какъ тогда, такъ и теперь наша существенно-земледѣльческая страна особенно выдвигаетъ на сцену вопросъ о *деревнѣ* — все тотъ же старый и вѣчно юный у насъ *крестьянскій вопросъ*...

Нѣтъ сомнѣнія, что рядомъ съ этими чертами сходства мы имѣемъ и множество чертъ отличія. Прежде всего, старая освободительная эпоха не могла быть ничѣмъ инымъ, какъ эпохой реформъ сверху, въ то время, какъ великая освободительная эпоха, въ которую мы теперь вступаемъ, имѣетъ всѣ шансы завершиться болѣе бурной, но и болѣе плодотворной революціей снизу.

Вокругъ этого основного отличія группируются всѣ остальныя — которыхъ не меньше, чѣмъ чертъ схожденія.

Вопросъ объ освобожденіи личности крестьянина стоялъ неразрывно съ вопросомъ объ освобожденіи крестьянской земли. Неудержимое стремленіе крестьянъ стать вольными, очевидно, не могло дольше оставаться безъ удовлетворенія.

Взять въ свои руки дѣло этого удовлетворенія и совершить его безъ ущерба, а если можно, то и съ выгодой для помѣщиковъ—таковъ былъ планъ болѣе благоразумныхъ представителей дирижирующихъ элементовъ общества. Вопреки непримиримой оппозиціи «дикихъ помѣщиковъ», эта партія достаточно окрѣпла, и дѣло кончилось компромиссомъ. Въ этомъ домашнемъ спорѣ «реакціонеровъ» съ «либералами»—или, какъ правильнѣе было бы сказать, крайнихъ реакціонеровъ съ умѣренными и осторожными консерваторами—послѣдней инстанціей оказывался слабовольный императоръ, въ которомъ, какъ въ центральномъ узлѣ, сплетались всѣ нити вліяній, интригъ, колеблющихся и соперничающихъ теченій. Правда, съ другой стороны, небольшая, самоотверженная кучка людей тогдашней «Земли и Воли», Серно-Соловьевичъ, Мих. Михайловъ, Шелгуновъ, Н. Г. Чернышевскій—пытались было найти иную высшую апелляціонную инстанцію—народъ. Но народъ—этотъ вѣчный сфинксъ русской исторіи—«народъ безмолвствовалъ».

Что крестьянская реформа выйдетъ ублюдкомъ, компромиссомъ,—эта горестная истина была совершенно ясна проницательнѣйшимъ людямъ того времени, каковъ въ особенности былъ тотъ, кого Марксъ съ глубокимъ уваженіемъ называлъ «великимъ русскимъ ученымъ и критикомъ»—Н. Г. Чернышевскій. Невыносимо тяжело было положеніе этихъ людей. Въ своемъ «Прологѣ пролога» Чернышевскій необычайно ярко обрисовалъ трагизмъ этого положенія. Они были обречены на роль безсильныхъ зрителей величайшаго преступленія передъ народомъ, величайшаго обмана народа. Они, видѣвшіе всю глубину этого преступленія, всю беззастѣнчивость этого обмана, помѣшать ему не могли—они могли лишь выказать свое пониманіе обмана и пострадать за то, что были зрячими среди слѣпыхъ.

Они видѣли, что испорченное, прогнившее сословіе крѣпостниковъ готовится выдать за великую милость то, что оно перестанетъ владѣть какъ вещью, милліонами здоровыхъ, крѣпкихъ, сильныхъ рабочихъ людей; что, отягощенное безконечнымъ количествомъ злодѣяній и надругательствъ надъ этими милліонами, оно будетъ считать ихъ въ долгу передъ собой за то только, что наконецъ нашло своевременнымъ прекратить эти надругательства, по крайней мѣрѣ въ старыхъ формахъ и старыми способами; что естествен-

ное право человѣка на жизнь, на волю, на счастье оно потребуетъ выкупать у себя, какъ милость, за которую должно быть выплачено чистоганомъ; что самую землю, которая никогда не была въ собственности дворянскаго сословія, которая всегда числилась за крестьянами, попавшими въ крѣпостную зависимость, оно юридическими хитросплетеніями оторветъ отъ мужика, обкарнаетъ, какъ ему удобнѣе, и тогда согласится на «отчужденіе» ея тому же мужику, испоконъ вѣковъ поливавшему ее трудовымъ потомъ, и притомъ, на «отчужденіе» за такое кругленькое вознагражденіе, что оно мѣстами будетъ поглощать всю естественную доходность съ земли, да еще требовать приплаты изъ другихъ источниковъ дохода; что, благодаря всему этому, будетъ создана фикція якобы безвозмезднаго освобожденія личности крестьянина, ибо выкупъ за эту личность переносится формально въ другую графу — въ графу о выкупѣ крестьянами своей земли — у тѣхъ, кому эта земля никогда не принадлежала...

Все это видѣли наши духовные отцы и дѣды. Они видѣли еще большее: они видѣли, какъ остервенѣлые, непримиримые крѣпостники, ярые мужиконенавистники, забывъ всякій стыдъ и совѣсть, съ пѣной у рта требовали такого выкупа, цифры котораго были явно разсчитаны на то, чтобы сдѣлать реформу невозможной, чтобы затормозить ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самое дѣло освобожденія человѣческой личности крестьянина. Перечтите только убійственно саркастическую статью—«Труденъ-ли выкупъ земли» или «О необходимости держаться возможно умѣренныхъ цифръ при опредѣленіи величины выкупа»—и передъ вами ярко предстанетъ во всей своей наготѣ, разоблаченный при свѣтѣ цифръ, наглый разгулъ дворянскихъ аппетитовъ. И передъ этою темною силою стояла фаланга передовыхъ людей 60-хъ годовъ, людей «Современника» — это воплощеніе одновременно и огромной силы, и полнѣйшаго безсилія. Безсилія— ибо ей не на что было опереться; силы—потому что огромный умственный и моральный ростъ людей этой фаланги заставлялъ невольно склоняться передъ ними даже противниковъ. Достаточно вспомнить тотъ безжалостный разгромъ, которому подверглась отъ убійственнаго полемическаго меча Чернышевскаго тогдашняя буржуазная политическая экономія, въ лицѣ Вернадскаго и «Экономическаго

Указателя», неосторожно вступившая съ нимъ въ полемику по вопросу объ общинѣ...

Неудивительно, что, не имѣя подъ собой той Архимедовской точки опоры, которая позволила бы перевернуть весь внутренній міръ Россіи, фаланга «Современника» пыталась воспользоваться своимъ громаднымъ интеллектуальнымъ вліяніемъ, такъ рѣзко контрастировавшимъ съ физическимъ ея безсиліемъ, чтобы положить кое-что отъ себя на чашку вѣсовъ, на которыхъ въ неустойчивомъ равновѣсіи колебалось дѣло освобожденія крѣпостныхъ рабовъ. Къ голосу ея, смѣлому, властному, убѣжденному, умѣвшему «глаголомъ жечь сердца людей», все прислушивалось. И этотъ голосъ возвысился, отстаивая въ крестьянской реформѣ пядь за пядью каждую мельчайшую выгоду трудового крестьянства отъ натиска хищническихъ вожделѣній крѣпостниковъ. Для характеристики позиціи, какую въ этомъ отчаянномъ положеніи долженъ былъ занять Чернышевскій, достаточно привести хотя бы то мѣсто изъ его статьи «Труденъ ли выкупъ земли», въ которомъ онъ языкомъ, чуждымъ всему своему характеру, всему складу своихъ мыслей, долженъ былъ выражать надежду, что де «большинство разсудительныхъ помѣщиковъ убѣдится въ справедливости нашего увѣренія, что цѣль наша—не нападеніе на ихъ выгоды, а, напротивъ, охраненіе ихъ собственныхъ интересовъ». Отстоять «возможно умѣренныя цѣны», и тѣмъ облегчить возможность все равно *неизбѣжнаго* выкупа, который иначе страшно затянулся и затормозился бы,—такова была скромная и неблагодарная задача, которой должны были ограничить себя эти люди смѣлаго полета мысли и широкаго размаха творческой руки. Такова была горькая иронія исторіи.

И суровый, безпощадный приговоръ былъ произнесенъ надъ этой задачей и надъ исполненіемъ ея самимъ же Чернышевскимъ. Пусть теперь историки учитываютъ извѣстное фактическое вліяніе, которое было все таки произведено на ходъ и содержаніе крестьянской реформы его упорной литературной борьбой и вліяніемъ на общественное мнѣніе. Какъ бы оно ни было относительно велико, это для него такъ безконечно мало сравнительно съ той ареной, которая была бы дѣйствительно ему по плечу, что никто не удивится его горькому самоосужденію, вырвавше-

муся въ результатѣ неблагодарной борьбы, послѣ окончательнаго опредѣленія общихъ, основныхъ началъ реформы. «Я стыжусь самого себя»—писалъ онъ *) по поводу своей попытки литературной защиты идеи освобожденія крестьянъ съ землею, на основахъ неприкосновенности общиннаго владѣнія—«мнѣ совѣстно вспоминать о безвременной самоувѣренности, съ которой поднялъ я (данный) вопросъ... этимъ дѣломъ я сталъ безразсуденъ, скажу прямо, сталъ глупъ въ своихъ собственныхъ глазахъ». «Какъ я былъ глупъ, что хлопоталъ о дѣлѣ, для полезности котораго не обезпечены условія! Кто, кромѣ глупца, можетъ хлопотать о сохраненіи собственности въ извѣстныхъ рукахъ, не удостовѣрившись прежде, что собственность достанется въ эти руки и достанется на выгодныхъ условіяхъ»? Крестьянство, при характерѣ свершившейся реформы, оказывается въ положеніи наслѣдника, которому впору лучше отказаться отъ полученія огромнаго количества десятинъ, достающихся ему послѣ какого нибудь родственника, потому что долговыя обязательства, лежащія на землѣ, почти равняются не одной только рентѣ, но и вообще всей суммѣ доходовъ, доставляемыхъ помѣстьемъ»...

Или—вотъ другая метафора, въ которой изливалъ Чернышевскій ту же гнѣвную скорбь своей души:

«Предположимъ, что я былъ заинтересованъ принятіемъ средствъ для сохраненія провизіи, изъ запаса которой составляется вамъ обѣдъ. Само собою разумѣется, что если я это дѣлалъ изъ расположенія собственно къ вамъ, то моя ревность основывалась на предложеніи, что провизія принадлежитъ вамъ, и что приготовляемый изъ нея обѣдъ здоровъ и выгоденъ для васъ. Представьте же мои чувства, когда я узнаю, что провизія вовсе не принадлежитъ вамъ и что за каждый обѣдъ, приготовляемый изъ нея, берутся съ васъ деньги, которыхъ не только не стоитъ самый обѣдъ, но которыхъ вы вообще не можете платить безъ крайняго стѣсненія...

«Человѣкъ самолюбивъ—и первая мысль, рождающаяся во мнѣ, относится ко мнѣ самому; вторая моя мысль—о васъ, предметѣ моихъ заботъ, и о томъ дѣлѣ, однимъ изъ

---

*) «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія».

обстоятельствъ котораго я интересовался: «лучше пропадай вся эта провизія, которая приноситъ только вредъ любимому мной человѣку! лучше пропадай все дѣло, приносящее вамъ только разореніе!» Досада за васъ, стыдъ за свою глупость—вотъ мои чувства...»

Уродливый компромиссъ, которымъ только и могло быть освобожденіе «сверху», при отсутствіи возможности аннулировать его «освобожденіемъ снизу», сдѣлался совершившимся фактомъ, и наши великіе революціонные предшественники сошли со сцены съ неизъяснимо-горестнымъ чувствомъ, завѣщая намъ, своимъ духовнымъ дѣтямъ, прощальное пожеланіе,—

Будь борьба успѣшнѣй ваша,
Встрѣть въ бою побѣда васъ,
И минуй васъ эта чаша,
Отравляющая насъ...

* *

Но спрашивается: какая же краска гнѣвной скорби и стыда за своихъ духовныхъ дѣтей бросилась бы въ лицо нашего великомученика-учителя, если бы онъ увидалъ, съ какою легкостью теперь многіе изъ нихъ, заблудившись въ рядахъ «кадетской» партіи, сами тянутъ свои уста къ той же отравленной чашѣ, такъ много забывши и такъ малому научившись изъ горестнаго опыта отцовъ и дѣдовъ? Что сказалъ бы онъ о тѣхъ, кто уже теперь, при новомъ возрожденіи крестьянскаго вопроса, заранѣе, съ завидной предупредительностью спѣшатъ забѣжать впередъ передъ аппетитами землевладѣльцевъ и по собственной иниціативѣ выставлять проекты новаго *выкупа* земель? Что сказалъ бы онъ объ этихъ людяхъ, съ самодовольной торопливостью идущихъ на компромиссъ съ дѣтьми и внуками тѣхъ же крѣпостниковъ, несмотря на то, что явилась полная возможность революціоннаго рѣшенія вопроса, освобожденія земли *снизу*? Что сказалъ бы онъ объ этихъ людяхъ, которые, внѣшне почитая его имя, не имѣютъ достаточной смѣлости, чтобы попытаться рѣшительнымъ ударомъ создать ту новую базу экономической жизни крестьянства, которая рисовалась его великому уму! Объ этихъ людяхъ, которые, «по малу, по полсаженки низкомъ перелетаючи», боятся всего крупнаго и смѣлаго и тянутъ инстинктивно въ заѣз-

женныя колеи половинчатыхъ рѣшеній и сдѣлокъ съ врагами?..—«Приближаются ко мнѣ люди сіи усты своими и устнѣми чтутъ мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ мене—всуе же чтутъ мя»...

«Дополнительный надѣлъ съ государственнымъ выкупомъ!»—такова формула, выдвигаемая противъ насъ, противъ нашего «аграрнаго утопизма» людьми трезвенными и благоразумными, людьми претендующими на истинный государственный смыслъ. Мы ему не завидуемъ, и отвѣтимъ имъ словами Н. Г. Чернышевскаго: «Мнѣ говорятъ: для удобства и скорости рѣшенія, мы произнесемъ рѣшеніе такого рода, что вамъ слѣдуетъ получить изъ цѣлаго дома, слѣдующаго вамъ, только одну комнатку; объ остальныхъ комнатахъ мы поговоримъ когда нибудь послѣ, черезъ десять, черезъ двадцать лѣтъ, когда это будетъ удобнѣе.—Но, принявъ такого рода рѣшеніе, я тѣмъ самымъ уже почти лишусь возможности возобновить вопросъ. Рѣшеніе состоялось, я его принялъ—чего же больше я хочу!»

И мы поддерживаемъ во всей цѣлости наше требованіе *всего* дома, не потому, чтобы были убѣждены, будто жизнь ни въ какомъ случаѣ не сможетъ урѣзать этого нашего требованія, а потому, что не хотимъ сами себя урѣзывать и уменьшать размахъ своихъ дѣйствій. Мы поддерживаемъ требованіе *всего* дома—ибо вся земля есть домъ, который служитъ обиталищемъ трудовому населенію; мы требуемъ его для трудящихся *по праву,* и потому *безъ выкупа.* И въ этомъ отношеніи мы, и только мы, дѣйствительно остаемся вѣрны лучшимъ завѣтамъ Н. Г. Чернышевскаго.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ первый заложилъ основы той аграрной политики, за которую выступаемъ мы, логически развивая эти основы и примѣняя ихъ къ развившимся политическимъ и соціальнымъ отношеніямъ Россіи. Воззрѣнія его на этотъ вопросъ были какъ нельзя болѣе опредѣленны и ясны.

«Та форма поземельной собственности—говорилъ онъ—есть наилучшая для успѣховъ сельскаго хозяйства, которая соединяетъ собственника, хозяина и работника въ одномъ лицѣ. Государственная собственность съ общиннымъ владѣніемъ изъ всѣхъ формъ собственности наиболѣе подходитъ къ этому идеалу.

«Вся выгода отъ улучшеній и отъ труда должна принадлежать лицу, трудящемуся и улучшающему.

«Каждый земледѣлецъ долженъ быть землевладѣльцемъ.

«Первая черта идеала относится къ успѣхамъ сельскаго хозяйства, вторая—къ національному благосостоянію. Чѣмъ полнѣе осуществляются они въ дѣйствительности, тѣмъ, при равныхъ условіяхъ, быстрѣе успѣхи сельскаго хозяйства и національнаго благосостоянія.

«Я—сынъ моей родины—этого довольно, родина поступаетъ со мною, какъ мать: она даетъ мнѣ пріютъ, она даетъ мнѣ наслѣдство, достаточное для моего существованія, если я буду имъ пользоваться;—я получаю участокъ изъ государственной собственности.

«Всѣ дѣти равно милы ей,—я получаю столько же, сколько мои братья. Они, быть можетъ, должны были нѣсколько потѣсниться, чтобы дать мѣста новому гражданину,—они не ропщутъ на то, потому что и сами прежде меня получили участіе въ государственной землѣ такимъ же образомъ,—мое право есть ихъ право; явятся новые граждане, и когда мнѣ прійдется, въ свою очередь, потѣсниться для нихъ, я не ропщу на то, потому что самъ помѣщенъ былъ въ участіе наслѣдства моей родины такимъ же образомъ—ихъ право есть мое право.

«Только общинное владѣніе распредѣляетъ землю такимъ образомъ, что рента, проценты оборотнаго капитала и трудъ соединяются въ одномъ лицѣ, которое имѣетъ потому всю выгоду и трудиться наилучшимъ образомъ, и затрачивать наибольшее количество капитала на оживленіе труда улучшеніями...»

Развѣ, въ основѣ своей, это—не то же самое требованіе, которому мы придаемъ еще болѣе конкретную форму, и которое мы называемъ требованіемъ соціализаціи земли? Земля—общая, общественная собственность, изъятая изъ гражданскаго оборота. Терминъ «общественная» собственность мы, по многимъ причинамъ, считаемъ гораздо болѣе удобнымъ и отвѣчающимъ существу дѣла, чѣмъ терминъ «государственная» собственность—послѣдній терминъ вызываетъ невольно представленіе о томъ, что находится въ полномъ распоряженіи централизованной бюрократіи, о чемъ то вродѣ нынѣшнихъ «государственныхъ имуществъ», чего здѣсь совсѣмъ не должно быть. Земля находится въ распоряженіи общинъ и территоріальныхъ ихъ союзовъ—т. е. волостныхъ, земскихъ самоуправляющихся единицъ, мелкихъ

и крупныхъ, областныхъ союзовъ; господствуетъ принципъ децентрализаціи распоряженія землей, въ рамкахъ нормъ уравнительнаго пользованія. Такова возможная хозяйственная база новаго, свободнаго режима, база, на которой единственно легокъ и быстръ выходъ изъ того состоянія хозяйственнаго паралича, въ которомъ нынѣ находятся производительныя силы Россіи. Политическая свобода и соціализація земли—мы можемъ сказать словами Чернышевскаго, что «за осуществленіемъ этихъ условій слѣдуетъ и все остальное, нужное для успѣховъ земледѣлія: пробужденіе промышленной дѣятельности, развитіе городовъ, увеличеніе удобствъ сообщенія производителей съ рынкомъ» и т. д. и т. д.

И мы предпочитаемъ быть «аграрными утопистами» вмѣстѣ съ Чернышевскимъ, чѣмъ вступать на ту «стезю умѣренности и аккуратности», на которую приглашаютъ насъ трезвенные сторонники простого дополнительнаго надѣла на началахъ государственнаго выкупа. Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній намъ придется только сдѣлать здѣсь одну оговорку. Н. Г. Чернышевскій считалъ, что общественный поземельный фондъ долженъ быть достаточно великъ, чтобы дать возможность безбѣднаго существованія каждому, желающему прилагать свой трудъ къ землѣ. Въ то же время онъ считалъ, что за вычетомъ этого фонда останется еще опредѣленное количество земель, которое будетъ ареной свободнаго соперничества частныхъ собственниковъ. Какъ бы ни оцѣнивать эту идею съ точки зрѣнія ея принципіальной выдержанности или общественной цѣлесообразности для *того* времени, совершенно ясно, что теперь считаться съ ней не приходится. Огромный приростъ населенія за истекшіе почти полвѣка со времени начала спора объ общинномъ владѣніи совершенно упразднилъ этотъ вопросъ. И потому мы поступимъ совершенно правильно, если мы будемъ поддерживать и пропагандировать свое требованіе соціализаціи земли *во всей его полнотѣ.*

* * *

Съ какими трудностями связанъ *выкупъ* земли?

Н. Г. Чернышевскій для своего времени скорѣе всего можетъ быть названъ крайнимъ оптимистомъ въ данномъ вопросѣ. Впрочемъ, этотъ оптимизмъ его въ извѣстной

степени является тактическимъ пріемомъ. Онъ самъ довольно откровенно высказалъ это, избравъ эпиграфомъ для статьи «Труденъ ли выкупъ земли» слова Мальтуса: «Когда палка искривлена въ одну сторону, чтобы исправить ее, надобно перегнуть на другую сторону». Дѣло въ томъ, что, по тогдашнему соотношенію общественныхъ силъ, освобожденіе крестьянъ и земли безъ выкупа было абсолютнѣйшей невозможностью. И, хотя «Современникъ» въ рядѣ другихъ статей доказывалъ, что наоборотъ, помѣщики должны разсматриваться, какъ должники крестьянства, а не на него накладывать выкупъ,—однако, съ безвыходнымъ положеніемъ приходилось считаться. Если ужъ выкупа обойти нельзя, пусть лучше онъ будетъ скорѣе—чѣмъ дольше онъ задержится, тѣмъ дороже онъ обойдется.

И вотъ почему писатель-соціалистъ, такъ далеко опередившій свое время и потому оставшійся на положеніи почти «одного въ полѣ воина», выступаетъ въ несвойственной ему роли добровольнаго бухгалтера финансовыхъ операцій, предстоявшихъ самодержавному правительству. Въ противоположность крѣпостникамъ, старавшимся затормозить дѣло выкупа преувеличенными разсчетами и запугать колоссальностью дѣла, онъ «перегибалъ палку на другую сторону»... Онъ указывалъ вообще на то, что текущая сила живого національнаго труда безконечно превышаетъ всякій матеріально-данный капиталъ, продуктъ этого труда; что всякое облегченіе, улучшающее производительность живого труда, возмѣщается сторицею, а потому чего бы оно ни стоило оно не обойдется слишкомъ дорого. Что значитъ на его языкѣ «легкость» выкупа, показываетъ уже одно то, что, исчисливъ матеріальную стоимость наличныхъ богатствъ Франціи, онъ приходитъ къ выводу, что «если бы французамъ нужно бы было выкупить всю Францію, они могли бы это сдѣлать въ продолженіе одного поколѣнія, употребляя на выкупъ только пятую часть своихъ доходовъ».

Мы знаемъ, какимъ горькимъ аккордомъ долженъ былъ закончить онъ свой «оптимизмъ поневолѣ». Но самый фактъ этой оптимистической ноты заставляетъ насъ особенно цѣнить тѣ соображенія, которыя высказываетъ онъ относительно степени трудности выкупа въ будущемъ. Эти соображенія его тѣмъ и важны, что цѣликомъ могутъ быть

примѣнены къ вопросу о дополнительномъ надѣлѣ на началахъ государственнаго выкупа въ настоящее время.

«Отложить выкупъ до будущаго времени»!—писалъ онъ:—«*Но съ каждымъ годомъ будетъ уменьшаться и матеріальная возможность выкупа.* Земля быстро возвышается въ цѣнѣ. Черезъ десять, пятнадцать лѣтъ она повсюду будетъ стоить въ полтора раза дороже, чѣмъ теперь; а во многихъ мѣстахъ... она будетъ стоить въ три, въ четыре раза дороже, чѣмъ теперь... Населеніе будетъ возрастать... На землю набросятся новые соискатели...

«Отложить до будущаго времени! Не поздно ли будетъ будущему приниматься за то, *самая возможность чего станетъ исчезать съ каждымъ годомъ?*

«Повышеніе цѣнъ на землю, пониженіе заработной платы, соперничество болѣе крупныхъ покупщиковъ, платящихъ вѣрнѣе и вдругъ, обрѣзыванія всякаго рода, наконецъ, что, быть можетъ, всего важнѣе, ослабленіе сознанія о неизбѣжной принадлежности земли крестьянину,—сведемъ эти факты и увидимъ, что *если выкупъ земли труденъ въ настоящее время, то чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе онъ будетъ и скоро сдѣлается совершенной невозможностью и въ матеріальномъ и въ нравственномъ отношеніи.*

«Тогда лучше ужъ прямо сказать, что о немъ нечего и думать, что масса крестьянъ должна остаться по матеріальнымъ условіямъ въ прежнемъ положеніи или даже превратиться въ сословіе батраковъ»...

Стоитъ посмотрѣть на современныя неимовѣрно вздутыя, особенно кабальными системами хозяйства, цѣны на землю, стоитъ посмотрѣть на ростъ спроса на землю, на усиленную конкуренцію и вздорожаніе—особенно мелкихъ участковъ—чтобы убѣдиться, какъ много пророческаго было въ этихъ словахъ. И, что крайне важно, проповѣдь идеи «выкупа», идущая со стороны передовыхъ элементовъ общества, дѣйствительно, не можетъ не вліять ослабляющимъ образомъ на ту увѣренность въ неизбѣжной, правомѣрной принадлежности земли *только* трудящимся, которая является лучшимъ залогомъ широкаго земельнаго переустройства. Проповѣдь выкупа есть косвенная проповѣдь уваженія къ земельнымъ правамъ землевладѣльца, въ то время, какъ именно отсутствіе такого уваженія и взглядъ на частныхъ собственниковъ, какъ на узурпаторовъ земли,

долженъ во что бы то ни стало поддерживаться и логически развиваться нашей пропагандой.

А какъ обстоитъ дѣло съ другими условіями выкупа? Или, можетъ быть, финансы Россіи въ такомъ удовлетворительномъ положеніи, что можно со спокойнымъ сердцемъ идти навстрѣчу огромной выкупной операціи? Но мы знаемъ всѣ, и знаемъ достаточно хорошо, къ чему пришло дѣло съ нашимъ хозяйствомъ. Или мы можемъ прибѣгнуть къ кредиту, и этимъ найдемъ простое разрѣшеніе вопроса? Но наша задолженность и безъ того колоссальна. А затяжной кризисъ? А голодовка? А крайне угнетенное состояніе всей вообще производительной дѣятельности?

Всѣ эти затрудненія такъ огромны, что принципіальное признаніе необходимости *выкупа* непремѣнно должно оказать—и дѣйствительно оказываетъ—самое сильное психологическое вліяніе въ смыслѣ тенденціи къ *сокращенію* размѣровъ дополнительнаго надѣла—чтобы хоть этимъ путемъ сократить и величину выкупной суммы, которую должно взять на себя государство. Успокоительныя рѣчи въ этомъ смыслѣ уже дѣйствительно начаты либеральными мужами. Мы должны самымъ энергическимъ образомъ возстать противъ этой тенденціи, какъ чрезвычайно вредной и способной привести къ такому же уродливому компромиссу, какъ въ 1861 году,—къ акту, который, по своимъ послѣдствіямъ, будетъ равносиленъ *обману* народа. Но въ отличіе отъ *того* обмана, который подрывалъ вѣру народа въ правительство, *этотъ* обманъ сможетъ привести къ подрыву вѣры народа въ свободныя политическія формы, въ новый общественный строй, къ атавизму старыхъ реакціонныхъ представленій, что было бы величайшимъ историческимъ преступленіемъ въ мірѣ.

На сторонникахъ выкупа лежитъ onus probandi, обязанность доказательства, что при современномъ нашемъ финансовомъ и экономическомъ положеніи могутъ быть выкуплены достаточныя для хозяйственнаго воскресенія деревни количества земли на условіяхъ, которыя, вмѣстѣ съ другими дезорганизующими факторами, не обрушатся на «плательщиковъ» (т. е. прежде всего на ту же деревню) такою тяжестью, которая сведетъ на нѣтъ животворящее значеніе реформы.

Сторонники выкупа должны дать намъ исчисленія на

тему «труденъ-ли выкупъ земли», и притомъ исчисленія, на столько же превосходящія въ точности и научной убѣдительности исчисленія, сдѣланныя для своего времени Чернышевскимъ, на сколько современные методы и данныя статистики превосходятъ методы и данныя того времени.

Пока они этого не дали, съ ихъ стороны является легкомысленнымъ и преступнымъ выступать съ той пропагандой идеи выкупа земли и во имя выкупа вести тотъ походъ противъ революціонной идеи конфискаціи, который нѣсколько времени назадъ начатъ рядомъ либеральныхъ и эксъ-народническихъ референтовъ и писателей.

И это не потому, чтобы мы были убѣждены въ томъ, будто земельное переустройство фактически несомнѣнно обойдется безъ выкупа. Исторія слишкомъ часто не справляется съ нашими желаніями и на каждомъ шагу урѣзываетъ и передовыя стремленія времени. Почемъ знать, быть можетъ, суровая дѣйствительность опять будетъ мачехой для нашего народа, и, избѣжавъ японской контрибуціи, мы будемъ за то платить домашнюю контрибуцію въ пользу помѣщиковъ. Люди, болѣе скептически настроенные, быть можетъ, даже убѣждены въ этомъ. Но, правы они или не правы, а одно вѣрно. Только при стойкой, систематической, упорной и непримиримой защитѣ народныхъ *правъ* на землю и *безправія* алчущихъ выкупа землевладѣльцевъ— только при ней можно разсчитывать довести въ худшемъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, до исторически возможнаго minimum'а притязанія послѣднихъ. Но та легкость духа и предупредительность, съ которой многое множество «прогрессивныхъ» писателей ухватились за идею выкупа, не внушаетъ никакого довѣрія къ ихъ способности отстаивать при этомъ сколько-нибудь серьезнымъ образомъ интересы народа.

Но этого мало. Иные изъ сторонниковъ выкупа не брезгаютъ при этомъ никакими софизмами, вплоть до того, что неожиданно превращаясь изъ сторонниковъ умѣренности и аккуратности въ сторонниковъ лозунга «все или ничего»—требуютъ либо такой немедленной же конфискаціи, въ интересахъ справедливости, вмѣстѣ съ землей и всѣхъ фабрикъ, заводовъ, капиталовъ и т. д., либо, если это невозможно, отказа отъ всякихъ конфискацій. При видѣ такихъ неожиданныхъ метаморфозъ становится трудно,

признаемся, довѣрять даже субъективной искренности этихъ людей. Кому же не ясно, что экспропріація экспропріаторовъ вообще не совершается въ одну секунду? Или они боятся, что мы совсѣмъ позабудемъ о необходимости экспропріировать другихъ капиталистовъ? Тогда мы можемъ успокоить ихъ: настанетъ чередъ для всѣхъ эксплуататоровъ народа, и довлѣетъ дневи злоба его. Есть опредѣленная послѣдовательность въ переходѣ отъ болѣе легкихъ задачъ къ болѣе сложнымъ и труднымъ, отъ исторически болѣе назрѣвшихъ и подготовленныхъ къ такимъ, разрѣшеніе которыхъ придвинется лучше всего именно осуществленіемъ логически предшествующихъ задачъ. Марксъ высказалъ когда-то твердое убѣжденіе, что дѣло соціальной ликвидаціи и устройства «von Grund aus, d. h. von Grund und Boden aus ernsthaft anfangen muss». Мы полагаемъ, что именно въ Россіи это положеніе глубоко вѣрно. Вы боитесь, что капиталы фабрикантовъ несправедливымъ образомъ остаются неприкосновенными, когда земля конфискуется? Не бойтесь, и повѣрьте, что конфискація земли будетъ лучшимъ прецедентомъ для того, чтобы тѣмъ же путемъ, т. е. безъ выкупа, прошла и вся предстоящая въ будущемъ долгая и сложная операція экспропріаціи экспропріаторовъ...

Пока же вотъ что скажемъ мы вамъ. Вы надѣетесь встрѣтить въ крестьянской средѣ сочувствіе. Не скроемъ, вы имѣете на это извѣстные шансы. Изголодавшемуся по землѣ мужику вы скажете: «тебѣ мы прирѣжемъ земли».— «Заставьте бога молить, по гробъ жизни будемъ благодарны».—«Съ тебя за это ничего не возьмутъ: все казна заплатитъ».—«Чего-жъ лучше, дай богъ ей и вамъ царствія небеснаго!»—Вотъ что можетъ отвѣтить вамъ *часть* крестьянства. Но *какая* часть? И что скажетъ другая часть, давно понимающая, что «казну» крестьянство же прежде всѣхъ и болѣе всѣхъ должно будетъ наполнять тѣми деньгами, которыя потомъ эта «казна-матушка заплатитъ»;— что скажетъ она, давно уже заинтересованная вопросомъ не только о томъ, сколько прирѣжутъ земли, но и о томъ, во что обойдется это удовольствіе?

Эта часть крестьянства превосходно пойметъ, что, несмотря на всѣ сладкія рѣчи, плохими заступниками ихъ интересовъ будутъ тѣ, которые ни на мгновеніе не рѣшаются

выступить съ открытой проповѣдью *права трудящихся на землю* и безправія узурпаторовъ земли; которые готовы всѣми софизмами прикрывать ту горькую истину, что денежное вознагражденіе они предлагаютъ платить за фактъ узурпаціи общественнаго достоянія; которыхъ не научилъ горькій опытъ отцовъ и дѣдовъ и не вдохновилъ на смѣлое, принципіальное поведеніе даже въ тотъ великій, роковой историческій кризисъ, который потрясаетъ мучительными судорогами всю Россію...

Эта часть крестьянства пойметъ, чего стоютъ эти новые радѣтели о ея благѣ; пойметъ, что рабочій народъ можетъ разсчитывать вполнѣ только на самого себя, да на людей, безповоротно разрывающихъ со старымъ міромъ, чтобы бороться и гибнуть въ рядахъ арміи труда подъ знаменемъ соціализма; пойметъ, что непросвѣщенно-грубые и просвѣщенно-либеральные представители имущихъ слоевъ въ иныхъ отношеніяхъ весьма недалеко отстоятъ другъ отъ друга, а потому и къ тѣмъ, и къ другимъ приходится примѣнять вѣками выношенное и вырощенное правило —

...отъ господъ подалѣй!
Минуй насъ пуще всѣхъ печалей
И барскій гнѣвъ, и барская любовь...

II.

Итакъ на сторонникахъ выкупа лежитъ onus probandi, обязанность доказательства, что при современномъ нашемъ финансовомъ и экономическомъ положеніи могутъ быть выкуплены достаточныя для хозяйственнаго воскресенія деревни количества земли на условіяхъ, которыя, вмѣстѣ съ другими дезорганизующими факторами, не обрушатся на плательщиковъ (т. е. прежде всего на ту же деревню) такою тяжестью, которая сведетъ на нѣтъ животворящее значеніе реформы.

А между тѣмъ, еще не представивши такихъ доказательствъ, русскіе либералы однако съ большою легкостью духа открыли цѣлый походъ противъ идеи *революціонной конфискаціи* земли. Мы и раньше отлично понимали, конечно, что такой походъ долженъ будетъ начаться, и знали, что именно въ этомъ пунктѣ намъ придется очень рѣзко столкнуться съ либералами. Но мы не ожидали, чтобы

свой походъ противъ конфискаціи и соціализаціи земли они рѣшились открыть съ такимъ скуднымъ запасомъ аргументовъ, какъ это случилось. Намъ пришлось констатировать, что идею *выкупа государствомъ земли для крестьянъ* либералы бросили въ публику поспѣшно, въ нѣсколько демагогической формѣ, не взвѣсивъ условій такой операціи, не опредѣливши ея размѣровъ, не выяснивъ ея формъ. Это была «синица въ руки» противъ революціонныхъ «журавлей въ небѣ». Нужно было съ ней торопиться, ибо навстрѣчу соціально-революціонной пропагандѣ въ деревнѣ снова пошли стихійныя крестьянскія волненія, не предвѣщавшія для либераловъ ничего добраго.

Вслѣдствіе этой торопливости, конечно, либералы и не успѣли запастись для начала своего похода необходимой арматурой. Лишь постепенно этотъ пробѣлъ сталъ заполняться. Прежде всего въ «Русск. Вѣд.» появилась серія статей г. Герценштейна «Выкупная операція». Ученый авторъ выступаетъ въ этихъ статьяхъ застрѣльщикомъ идеи выкупа и ведетъ борьбу «на два фронта»: съ одной стороны—противъ защитниковъ полной неприкосновенности помѣщичьей собственности, съ другой—и болѣе всего—противъ сторонниковъ ея революціонной экспропріаціи.

«*Конечно*, отчужденіе земель должно быть произведено на началахъ выкупа съ уплатой землевладѣльцамъ стоимости отчуждаемыхъ земель по справедливой оцѣнкѣ»,—такова исходная точка зрѣнія г. Герценштейна. Это «конечно» кажется однако г. Герценштейну еще недостаточно сильнымъ, и онъ добавляетъ: «*Другого пути я не могу себѣ представить*, потому что экспропріація безъ вознагражденія была бы совершенно не мотивированнымъ актомъ несправедливости». Странно, что у ученаго, бывшаго профессора, такъ притупилась способность «представлять себѣ» что либо вмѣсто выкупа. Не менѣе странно, что онъ такъ перескакиваетъ отъ экспропріаціи *безъ всякаго* вознагражденія прямо къ выкупу съ уплатой полной стоимости земли. Вѣдь ему должно бы быть небезъизвѣстно, что между двумя этими крайними полюсами—конфискаціей и выкупомъ съ немедленной уплатой по полной стоимости (иначе говоря, *покупкой*)—стоитъ цѣлый рядъ промежуточныхъ системъ неполнаго вознагражденія или же безъ немедленной уплаты, а съ назначеніемъ опредѣленной ренты на опредѣ-

ленный срокъ. Почему же онъ предпочитаетъ имъ всѣмъ— полный выкупъ съ немедленной уплатой? И настолько предпочитаетъ, что даже теряетъ способность представить себѣ что либо вмѣсто выкупа? Впрочемъ, суть дѣла не въ этомъ, мы говоримъ это все мимоходомъ, для характеристики того особаго настроенія, подъ властью котораго находятся умственныя способности бывшаго профессора. Но онъ желаетъ блеснуть не только умомъ, но и сердцемъ. Экспропріація безъ вознагражденія (т. е. безъ выкупа, что одно и то же, по мнѣнію г. Герценштейна) была бы, видите ли, «ничѣмъ не мотивированнымъ актомъ несправедливости». Ну, это ужъ какъ будто «слишкомъ много цвѣтовъ»! говоря словами Калхаса. Не только актомъ несправедливости, но, къ тому же, еще и ничѣмъ не мотивированнымъ—хотя чѣмъ лучше «актъ несправедливости» мотивированный сравнительно съ не мотивированнымъ, нашъ авторъ въ припадкѣ краснорѣчія прибавить забываетъ.

Справедливо или несправедливо отнять то, владѣніе чѣмъ противорѣчитъ справедливости? Вотъ вопросъ, который приходится поставить г. бывшему профессору. А затѣмъ и другіе вопросы, напримѣръ: справедливо ли, что при бѣдности и нищетѣ трудового народа землевладѣльцы монополизируютъ огромныя пространства? Мы уже слышимъ готовое сорваться съ устъ г. Герценштейна то же, приблизительно, возраженіе, къ которому онъ прибѣгаетъ въ другихъ случаяхъ: «Да, конечно»... но вѣдь это съ точки зрѣнія совершенно другой стадіи развитія, экономической конструкціи другого порядка... но вѣдь тогда придется говорить о цѣломъ рядѣ другихъ правъ, не мирящихся съ современнымъ правосознаніемъ»... Пусть, однако г. Герценштейнъ успокоится. Такъ высоко, на «точку зрѣнія экономической конструкціи другого порядка» мы его не зовемъ подниматься: у него, пожалуй, еще голова закружится. Тутъ не въ «экономической конструкціи другого порядка», не въ соціализмѣ дѣло. Г. Герценштейнъ, напротивъ, могъ бы не только не забѣгать впередъ, къ нравственности будущаго, а напротивъ поступить вполнѣ сообразно своимъ силамъ и вернуться назадъ... ну, хоть бы къ пророку Исаіи, который гнѣвно возглашалъ: «горе вамъ, присоединяющіе поле къ полю и домъ къ дому, такъ что другимъ не остается мѣста, точно вы одни поселены на землѣ»! Да

вѣдь даже съ точки зрѣнія части современной передовой буржуазіи собственность на землю, какъ на объектъ ограниченный по своимъ размѣрамъ и невоспроизводимый трудомъ, имѣетъ сугубо монопольный характеръ и потому противорѣчитъ справедливости. Итакъ, рѣшайтесь же, г. Герценштейнъ, и умозаключайте такъ сказать по складамъ; силлогизмъ первый—монополія несправедлива; частная собственность на землю есть монополія; частная собственность на землю несправедлива. Силлогизмъ второй: уничтожить несправедливость (и даже не только безъ вознагражденія, а еще съ карой пользующимся ею) справедливо; частная собственность на землю несправедлива; уничтожить частную собственность безъ вознагражденія справедливо. (Читатели извинятъ насъ за столь утомительныя и азбучныя разсужденія; они нужны не имъ и не намъ, а г. Герценштейну).

— «Да—можетъ снова возразить намъ Герценштейнъ—но чѣмъ же виноваты тѣ, которые, дѣйствуя на основѣ стараго порядка, купили землю и затратили на это капиталъ? развѣ правильно лишать ихъ этого капитала, отбирая у нихъ купленную землю?»—Какъ жаль, что г. Герценштейна не было на свѣтѣ во время освобожденія негровъ въ Сѣв. Америкѣ! Его только тамъ и не хватало. Какую бы началъ онъ тамъ блестящую агитацію за уплату владѣльцамъ полной стоимости ихъ рабовъ—въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и здѣсь было не мало случаевъ, что въ покупку груза чернокожихъ владѣльцами вкладывался опредѣленный—и не малый капиталъ; справедливо ли было отнимать этотъ капиталъ? О, г. Герценштейнъ—ярый другъ справедливости...

— «Но вѣдь это же не то—попробуетъ, быть можетъ, защититься г. Герценштейнъ (или не попробуетъ? мы бы ему совѣтовали лучше не пробовать)—выкупая рабовъ, владѣльцы достаточно вознаграждали себя ихъ трудомъ, и потому можно было совершить эмансипацію рабовъ безъ всякаго дальнѣйшаго вознагражденія!» О, справедливый г. Герценштейнъ, посмотрите хоть на высоту цѣнъ мелкой аренды, что ли—и вы увидите, какъ достаточно вознаграждали себя тѣ, кто, «дѣйствуя на основѣ существующаго порядка землевладѣнія», затратили свой капиталъ въ землю... Не высчитать ли, сколько перебрали они съ общества излиш-

нго? Не взыскать ли это съ нихъ? Займитесь-ка этимъ дѣломъ во имя торжества справедливости—вы вѣдь все озабочены, какъ бы не пострадала справедливость...

* * *

Но—мимо, мимо всего этого! Переходимъ къ вопросу о фактической возможности выкупа. Г. Герценштейнъ констатируетъ, разумѣется, прежде всего, что «помѣщикамъ надо уплатить сразу всю капитальную стоимость отчуждаемой земли». «Вотъ почему финансовая сторона дѣла пріобрѣтаетъ огромное значеніе. Какъ бы ни было важно произвести выкупъ, все же операція эта *должна была бы быть отсрочена*, если бы вслѣдствіе тяжелыхъ условій денежнаго рынка, невозможности выпустить въ большомъ количествѣ бумаги, нельзя было бы ее финансировать. При неблагопріятныхъ условіяхъ рынка—а именно такое время мы переживаемъ—даже самыя обезпеченныя бумаги съ трудомъ размѣщаются, съ каждымъ новымъ выпускомъ курсъ понижается; приходится возвышать процентъ безъ увѣренности въ успѣхѣ займа».

Какъ видите, трудности дѣла не скрыты отъ проницательности г. Герценштейна. Но характерно для него, какъ для катедеръ... либерала, что центръ тяжести вопроса о трудности выкупа для него односторонне концентрируется въ вопросѣ о трудности или легкости «финансированія» реформы. Какъ будто дѣло не въ страшной напряженности платежныхъ силъ земледѣльческаго населенія; какъ будто дѣло не въ необходимости *освободить* мужика отъ того ядра каторжника, которое онъ носитъ на своихъ ногахъ въ видѣ всякаго рода даней и выплатъ, и которое не даетъ ему двигаться даже на увеличенной площади земли; какъ будто дѣло и не въ томъ, возможно-ли будетъ это сдѣлать, взваливъ на его плечи крупнѣйшее денежное обязательство передъ помѣщиками... Нѣтъ, не въ этой области для г. Герценштейна лежатъ «трудности» выкупа, не здѣсь для него существо дѣла, не сюда направлены его вычисленія и соображенія. Трудно-ли «финансировать» операцію—вотъ въ чемъ вопросъ. Какъ будто если бы оказалось легко занять денегъ на выгодныхъ условіяхъ, то этимъ самъ собою разрѣшился бы и вопросъ—«труденъ-ли выкупъ земли»!

Г. Герценштейнъ быстро преуспѣваетъ на новомъ поприщѣ—либеральнаго государственнаго человѣка и реальнаго политика. Онъ уже усвоилъ себѣ ту точку зрѣнія спеціалиста министерскихъ дѣлъ, которая упрощаетъ всѣ великія соціально-экономическія проблемы, сводя ихъ къ искусству ловкихъ финансовыхъ операцій, къ знанію всѣхъ «входовъ и выходовъ» въ области биржи и кредита. Упростивъ такимъ образомъ свою задачу, г. Герценштейнъ побѣдоносно слѣдуетъ далѣе. Нечего дѣлать, послѣдуемъ за нимъ и мы, хотя для насъ вопросъ о «финансированіи» реформы есть не только не первый, но едва-ли не самый послѣдній вопросъ во всемъ этомъ дѣлѣ. Слѣдовать за г. Герценштейномъ «во всѣхъ путяхъ его», однако, приходится, ибо на путяхъ этихъ мы встрѣтимъ весьма интересныя вещи. Итакъ, констатировавъ трудности дѣла, г. Герценштейнъ на нихъ, однако, не останавливается. Онъ идетъ вглубь этихъ трудностей, анализируетъ ихъ, взвѣшиваетъ ихъ размѣры, находитъ облегчающія обстоятельства и, сравнивъ плюсы и минусы, приходитъ къ чрезвычайно утѣшительному выводу: «что, во всякомъ случаѣ, съ финансовой стороны выкупная операція можетъ теперь быть проведена еще легче, чѣмъ это было въ 1861 году», и даже вообще «что съ финансовой стороны осуществленіе выкупной операціи не встрѣчаетъ затрудненій».

Почему же такъ? Откуда эта большая легкость выкупа теперь сравнительно съ 1861 г., тогда какъ Чернышевскій, напримѣръ, предвидѣлъ для будущаго возрастаніе его трудностей? Отвѣтъ по г. Герценштейну очень простой: дѣло облегчается крайней задолженностью частнаго землевладѣнія. «Ясно, что чѣмъ выше задолженность, тѣмъ легче можетъ совершиться выкупная операція, потому что тѣмъ большая часть долга можетъ быть переведена на подлежащую выкупу землю». Банковая ссуда въ среднемъ не превышаетъ 50 — 60 процентовъ оцѣночной стоимости; оцѣночная стоимость, въ общемъ, ниже продажной цѣны; такимъ образомъ, чаще всего, при зачетѣ долга, оставалось бы приплатить помѣщику еще столько же, сколько зачтено и за долгъ, т. е. долгомъ была бы погашена половина выкупной суммы. Но можно предложить банкамъ такую комбинацію: пусть они переводятъ на каждую подлежащую выкупу десятину не пропорціональную, а раза въ два боль-

шую сумму долга. Если правительство гарантируетъ уплату по искусственно увеличенной задолженности выкупаемаго количества земли, банки охотно на это согласятся: «обезпеченіемъ переводимаго долга будетъ служить *не только отходящая отъ помѣщика въ пользу крестьянъ земля,* но и правительственная гарантія», и, благодаря этой хитрой механикѣ, часто и вся «выкупная сумма можетъ быть переведена въ видѣ долга, и въ доплатѣ не представляется никакой нужды...»

Но тутъ мы останавливаемся и въ недоумѣніи протираемъ себѣ глаза. Какъ? что это значитъ: «обезпеченіемъ переводимаго долга будетъ служить... отходящая отъ помѣщика въ пользу крестьянъ земля»? Такъ вотъ оно что! Вмѣстѣ съ землей будетъ также «отходить отъ помѣщика въ пользу крестьянъ» его земельная задолженность, да еще въ почти удвоенномъ — и притомъ искусственнымъ маневромъ удвоенномъ размѣрѣ! *). Правительство же только «гарантируетъ банкамъ уплату, ручается за недоимщиковъ, берется уплачивать за нихъ, а потомъ выколачиваетъ съ нихъ же, такъ, что-ли? Да, если такъ—то, разумѣется, это придумана весьма «хитрая механика»: ибо, съ одной стороны, въ утѣшеніе крестьянамъ заявляютъ, что выкупъ будетъ произведенъ за государственный счетъ, а съ другой—задача государства облегчается *замаскированнымъ, обман-*

---

*) Стоитъ отмѣтить, что по положенію 1861 г. переводъ долга допускался лишь въ размѣрѣ 70 процентовъ выкупной ссуды. Г. Герценштейнъ въ этомъ пунктѣ «либеральнѣе». Еще Чернышевскій по этому поводу писалъ: «Помѣстья болѣе чѣмъ на половину обременены долгами, между которыми важнѣйшую часть составляетъ долгъ въ кредитныя учрежденія. Есть мнѣніе, что въ вознагражденіе за уступку крестьянамъ нынѣшняго надѣла помѣщики должны быть вознаграждены перенесеніемъ части опекунскаго долга на освобождаемыхъ крестьянъ... Но наука опять говоритъ, что долгъ по справедливости остается на томъ лицѣ, которое воспользовалось для своей выгоды или своего удовольствія деньгами, полученными въ долгъ. А если мы разсмотримъ употребленіе ссудъ, полученныхъ помѣщиками изъ кредитныхъ учрежденій, мы найдемъ, что большая часть, двѣ трети или больше изъ этихъ денегъ пошли на удовлетвореніе личнаго расхода самихъ помѣщиковъ, желавшихъ вести образъ жизни, для котораго не доставало ихъ дохода; затѣмъ значительная часть была употреблена на покупку новыхъ помѣстій или на основаніе промышленныхъ заведеній, т. е. опять-таки въ личную выгоду помѣщиковъ». («Матеріалы для рѣшенія крестьянскаго вопроса» Н. Г. Чернышевскаго, «Современникъ», т. 77-й).

нымъ переводомъ выкупной суммы на самихъ крестьянъ, въ видѣ искусственно увеличенной задолженности выкупной земли! Для удобства либеральной агитаціи среди крестьянъ недурно вѣдь это, не правда-ли? Недаромъ еще недавно г. Струве писалъ, что у революціонныхъ партій есть только внѣшній, поверхностный «революціонизмъ», а истинная *революціонность*, въ смыслѣ глубокаго вліянія на ходъ вещей, принадлежитъ никому другому, какъ либеральной партіи... Иллюстрація этой «истинной революціонности» недурная, и г. Герценштейнъ за свое открытіе можетъ, поистинѣ, разсчитывать на наименованіе «Витте русскаго либерализма»...

Но, можетъ быть, мы ошиблись? Можетъ быть, г. Герценштейнъ хотѣлъ сказать что-то другое? Вѣдь говоритъ же онъ въ другомъ мѣстѣ: «какъ только условія рынка измѣнятся, государство можетъ выкупить долги банкамъ и замѣнить ихъ собственными займами». Можетъ быть онъ хотѣлъ просто сказать, что переводъ на выкупаемую землю задолженности въ увеличенномъ размѣрѣ всецѣло падаетъ на государство и крестьяне получатъ землю чистою отъ долговъ? Но онъ вѣдь не новичекъ въ финансовой терминологіи. Онъ знаетъ, что правительственная *гарантія* уплаты совсѣмъ не то, что принятіе правительствомъ всецѣло на себя хотя бы части долга. Онъ знаетъ также, что если земля достается владѣльцу чистою отъ принятаго кѣмъ-либо на себя долга, то она уже не можетъ быть «обезпеченіемъ» этого самаго долга. Слѣдовательно, выкупъ государствомъ долговъ банкамъ и замѣна ихъ собственными займами означаетъ либо выкупъ долговъ по гарантіи, либо переводъ государствомъ крестьянскихъ долговъ банкамъ въ долги самому себѣ. Вотъ и все. Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію: такъ называемый нашими либералами «выкупъ за государственный счетъ»—по крайней мѣрѣ, въ арранжировкѣ г. Герценштейна, превращается въ... прекрасныя слова, но только слова,—и при томъ слова обманныя. Крестьяне сами должны выкупать землю, и не должны этого замѣчать, такъ какъ должны платить выкупную сумму подъ видомъ процентовъ и погашенія за переведенный на нихъ якобы старый, лежащій на землѣ долгъ...

Выкупъ земли *самими крестьянами* въ проэктѣ г. Герценштейна не вездѣ, однако, является скрытымъ. Это только

по отношенію къ помѣщикамъ пришлось такъ ухищряться Въ другихъ случаяхъ либералы откровеннѣе. Ибо въ вопросѣ о «надѣленіи крестьянъ изъ государственныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ земель или земель другихъ учрежденій» — все гораздо проще. Въ большинствѣ случаевъ это будутъ земли, которыми и теперь пользуются на арендныхъ началахъ тѣ же крестьяне. «Дѣло нисколько не мѣняется, если вмѣсто пользованія земли эти будутъ передаваться въ собственность, потому что *къ платежамъ крестьянъ* присоединится *только* небольшой взносъ на погашеніе; это *повліяетъ, конечно*, на размѣръ платежей, но опять таки не потребуетъ выпуска бумагъ». Иными словами, дѣло обстоитъ такъ: *если* крестьянъ заставить почти всецѣло самихъ выкупать землю, а *назвать* это выкупомъ земель для крестьянъ государствомъ, то для государства, какъ блестяще доказалъ г. Герценштейнъ, «съ финансовой стороны осуществленіе выкупной операціи не встрѣтитъ затрудненій...»

А вѣдь это главное! Правда, вся эта «хитрая механика», какъ оказывается, «повліяетъ, конечно, на размѣръ платежей» крестьянства—но это вѣдь такая малость, о чемъ тутъ говорить для спеціалистовъ самоновѣйшей, либеральной финансовой черной и бѣлой магіи... Правда, какъ будто вся операція предназначалась для того, чтобы дать сильный толчекъ впередъ крестьянскому хозяйству, создать для него возможность хозяйственнаго прогресса, даже болѣе того— «прочно устроить экономическій бытъ нашего крестьянства». Это невозможно безъ увеличенія площади землепользованія и безъ интенсификаціи земледѣлія. Послѣдняя, со своей стороны, невозможна безъ перваго, какъ справедливо замѣчаетъ г. Герценштейнъ *). Но вѣдь она невозможна также и безъ оборотныхъ средствъ, которыя теперь поглощаются крестьянскими платежами. Необходимо создать для кресть-

*) «Необходимо довести площадь владѣнія до опредѣленнаго размѣра, ниже котораго примѣненіе интенсивнаго хозяйства невозможно... Какъ это свидѣтельствуютъ комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, интенсификація, являясь болѣе надежнымъ средствомъ для возвышенія благосостоянія, встрѣтитъ препятствія именно въ недостаточномъ надѣленіи крестьянъ землей. Въ комитетахъ указывалось на то, что нерѣдко многія агрономическія начинанія съ цѣлью поднятія продуктивности земли разбиваются по той причинѣ, что негдѣ проводить эти улучшенія».

янскаго хозяйства тѣ излишки доходовъ надъ расходами, которые пойдутъ на улучшеніе техники. Ну, а если операція, «конечно, повліяетъ на размѣры платежей»—то откуда возьмутся эти излишки? Правда, г. Герценштейнъ говоритъ о реформѣ налоговой системы. Но уже расчисленія г. Николая—она (см. его статью «Чѣмъ объясняется ростъ нашихъ государственныхъ доходовъ») достаточно показали ограниченность результатовъ такой реформы *при сохраненіи современной экономической базы,* на которую приходится опираться финансовому аппарату государства. А принимая во вниманіе страшное увеличеніе расходовъ и неимовѣрной задолженности нашей, грозящей финансовымъ банкротствомъ, мы снова и снова сталкиваемся съ зловѣщимъ вопросомъ: не создастъ ли новая выкупная операція только новыхъ разочарованій! И не приходится ли намъ отвѣтить на всѣ осторожныя комбинаціи г. Герценштейна съ незамѣтнымъ переводомъ главной тяжести выкупа на самихъ же крестьянъ старыми словами Чернышевскаго, что «рента только тогда заслуживаетъ своего имени, когда лицо, ее получающее, не обременено кредитными обязательствами, вытекающими изъ самаго ея полученія... Только при соблюденіи этого условія люди, интересующіеся его благосостояніемъ, могутъ желать ему полученія ренты».

Г. Герценштейнъ полагаетъ, что если бы задача финансированія выкупной операціи оказалась неразрѣшимой, то «какъ бы ни было важно произвести выкупъ, все же операція эта *должна была быть отсрочена*». И удивительно, и возмутительно, что въ сознаніе нашихъ либераловъ до такой степени мало проникла мысль о *безусловной неотложности* коренныхъ преобразованій въ хозяйственной базѣ всего нашего существованія—въ русской земледѣльческой деревнѣ. Мы отвѣчаемъ на это: если новая выкупная операція грозитъ еще болѣе запутать финансовую и экономическую жизнь страны, и если безъ усиленнаго перехода земли въ руки трудящихся переживаемый нами кризисъ грозитъ новымъ обостреніемъ, способнымъ, быть можетъ, въ будущемъ еще болѣе затруднить всякія поправки и починки, то изъ этого заколдованнаго круга страна должна выйти путемъ спасительной аграрной революціи, которая покончитъ съ дѣломъ земельнаго переустройства *безъ выкупа.*

Разсмотримъ теперь съ другой точки зрѣнія утвержденіе г. Герценштейна, будто выкупная операція можетъ теперь быть проведена еще легче, чѣмъ это было въ 1861 году. Будемъ игнорировать переводъ помѣщичьяго долга на крестьянъ. Предположимъ, хотя бы, напримѣръ, что государство принимаетъ этотъ долгъ на себя. Нѣтъ спора, такая возможность сильно облегчаетъ дѣло «финансированія выкупной операціи» (мы предполагаемъ, разумѣется, такой случай, когда банки предпочтутъ имѣть дѣло съ государствомъ, ибо не боятся объявленія государственнаго банкротства). «Какъ въ 1861 году существованіе ипотечнаго долга облегчило выкупную операцію и уменьшило сумму подлежащихъ выпуску выкупныхъ «свидѣтельствъ»,—такъ и теперь. А такъ какъ съ тѣхъ поръ возросла задолженность, то соотвѣтственно этому возросла и легкость выкупа.

Такова аргументація г. Герценштейна. На первый взглядъ, вся видимость справедливости на ея сторонѣ. Если не вдумываться въ дѣло глубже, то кажется даже, что онъ говоритъ самоочевидныя истины. Абсолютная цифра задолженности 1861 года и 1906 года показываетъ увеличеніе раза въ четыре. Но мы зададимъ г. Герценштейну вопросъ: да развѣ сравненія абсолютныхъ цифръ долга достаточно? Да, долгъ возросъ—но *задолженность* возросла ли? Вѣдь возросла и цѣнность земли. Какую же часть цѣнности земли захватывалъ долгъ въ 1861 г. и какую онъ захватываетъ теперь? Конечно, если бы оказалось, что теперь долгъ составляетъ большой процентъ цѣнности, то, дѣйствительно, можно было бы сказать, что въ теперешней задолженности потенціально заключается и большая легкость выкупной операціи. Но такъ ли это? И намъ приходится констатировать, что г. Герценштейнъ ровно ничего не сдѣлалъ, чтобы доказать это. Правда, по отсутствію точныхъ статистическихъ данныхъ за 1861 годъ сдѣлать это довольно трудно. Возможны лишь приблизительныя расчисленія, да различныя вспомогательныя соображенія. Но г. Герценштейнъ о нихъ и не подумалъ. Онъ предпочелъ выставить свой тезисъ совершенно голословно. Признаться, такое отношеніе какъ-то весьма мало гармонируетъ съ жгучей серьезностью вопроса...

Къ 1 іюля 1904 года въ дѣйствующихъ у насъ учрежденіяхъ долгосрочнаго кредита (кромѣ крестьянскаго банка)

было заложено имѣній на сумму 1.723.617.000 рублей. Но мы не имѣемъ свѣдѣній объ общей продажной цѣнности частновладѣльческихъ земель за то же время. Поэтому намъ придется обратиться къ нѣсколько болѣе раннимъ даннымъ (ихъ г. Герценштейнъ почему-то игнорируетъ). По даннымъ о продажныхъ цѣнахъ, разработаннымъ департаментомъ окладныхъ сборовъ за 1900—1902 гг., министерство финансовъ исчисляетъ общую цѣнность частновладѣльческихъ земель по 45 губ. Европ. Россіи почти въ 7 милліардовъ руб. (6.957.779.000 р.); по даннымъ же статистики долгосрочнаго кредита размѣръ лежавшаго на нихъ долга достигалъ болѣе полутора милліарда рублей (1.641.467.000 р.). Такимъ образомъ, долгъ поглощалъ менѣе четверти (0,236) продажной стоимости землевладѣнія.

То-ли или что-нибудь иное было въ 1861 году? Достаточно только поставить этотъ вопросъ, чтобы на него отвѣтить. Смѣшно даже и сравнивать положеніе дѣлъ 1861 г. съ современнымъ. Задолженность и тогда была огромная, несоразмѣрная. Послушаемъ объ этомъ того же Чернышевскаго. «Каждому извѣстно, что когда имѣніе заложено въ опекунскій совѣтъ, то уплата процентовъ беретъ болѣе половины валового дохода у помѣщика; во многихъ помѣстьяхъ она брала (по прежнему разсчету процентовъ на долги кредитныхъ учрежденій) двѣ трети и даже три четверти валового дохода; наконецъ, извѣстно, что часто помѣстья покупались съ прибавкой самой ничтожнѣйшей суммы къ переводу долга на покупщика; наконецъ, извѣстно и то, что при аукціонной продажѣ за неуплату процентовъ помѣщику приходилось получать изъ продажной цѣны, за вычетомъ опекунскаго долга, иной разъ какихъ-нибудь по 10 руб. остатка съ души» *). Но вѣдь это была продажная цѣна имѣнія *съ крѣпостными душами*. Между тѣмъ намъ приходится говорить о цѣнности лишь *собственно земли*. А такъ какъ эта цѣнность была тогда ничтожна, то отношеніе къ ней суммы долга было дѣйствительно такого рода, что въ огромнѣйшей степени облегчало выкупную операцію. Вспомнимъ ѣдкую шутку, посредствомъ которой такъ зло насмѣялся Чернышевскій надъ крѣпостниками-помѣщи-

---

*) «Труденъ-ли выкупъ земли?» Соч. Н. Г. Чернышевскаго, изд. Элпидина, т. V, стр. 357—358.

ками. Эти послѣдніе, высчитывая свои потери отъ отмѣны крѣпостного права, выставляли на перебой цѣлую градацію цифръ, которыми они измѣряли доходность обязательнаго труда. Эти ихъ исчисленія и поспѣшилъ использовать Чернышевскій противъ нихъ же, слѣдующимъ образомъ: основываясь на словахъ императорскаго рескрипта, что личность крестьянина не подлежитъ выкупу, а выкупается лишь земля, онъ примѣнилъ помѣщичьи разсчеты стоимости обязательнаго труда во всей Россіи, вычелъ эту среднюю стоимость изъ средней стоимости имѣній, чтобы опредѣлить, сколько же должны крестьяне платить помѣщикамъ въ видѣ выкупа только *за землю*. Получилась... величина отрицательная! «Оказывалось бы (по сравнительно умѣренному помѣщичьему разсчету), что помѣщикъ долженъ былъ бы не только отдать даромъ всю крѣпостную землю, и свою, и крестьянскую, но еще и приплачивать...» Пользуясь другими разсчетами, исходившими отъ болѣе жадныхъ крѣпостниковъ, Чернышевскій насчиталъ тѣмъ же методомъ на нихъ такого рода счетъ: «совершенно задаромъ отказаться отъ всего помѣстья и вдобавокъ приплатить еще цѣну, почти равную той, какую имѣло цѣлое помѣстье».... Но и взявъ не высшіе и не средніе, а болѣе умѣренные помѣщичьи разсчеты, Чернышевскій на ихъ основаніи получалъ такой результатъ: «выкупъ крестьянскихъ земель за настоящій надѣлъ составлялъ бы всего 21 рубль съ души, т. е., при численности тогдашняго крѣпостного населенія по Тройницкому въ 10.844.902 чел., выкупная сумма не достигала бы 228 милл. рублей; а между тѣмъ, задолженность помѣщичьей земли онъ опредѣлялъ приблизительно въ 450 милл. рублей... [1]) Выкупная сумма погасила бы немногимъ больше половины долга...

Что это означало? А вотъ что, какъ превосходно выяснялъ помѣщикамъ Чернышевскій.

«Крѣпостное право—это истинное подобіе рѣшета, въ прорѣхи котораго вытекаетъ рѣшительно вся цѣнность, находящаяся въ немъ: Мужикъ трудится на васъ цѣлый годъ—это правда; земли у васъ много—и это правда. Но вы все-

[1]) По Л. Ходскому (см. ст. «Выкупная операція» въ Энц. Словарѣ Брокгауза и Ефрона) всего было тогда въ залогѣ 44.166 имѣній, на которыхъ было долгу 425.503.061 руб.

[2]) «Труденъ-ли выкупъ земли?» стр. 400—401.

таки разоряетесь съ каждымъ годомъ все больше и больше; ваша земля и съ мужиками заложена и перезаложена, и какъ хотите высоко цѣните стоимость обязательнаго труда и земли, уступленной крестьянамъ, а въ результатѣ все-таки оказывается, что съ земли, уступленной крестьянамъ, вы не получаете ни копейки: она служитъ только къ прокормленію крестьянъ; а прокормленіе крестьянъ служитъ только къ тому, чтобы они работали на васъ; а изнурительная работа ихъ на васъ служитъ только къ тому, что вы съ вашихъ господскихъ полей получаете съ десятины по 20 руб. вмѣсто того, что получали бы по 40 или по 50 руб., если бы крѣпостного права не было. Такъ вотъ оно каково дѣло: половина полей вашего помѣстья служитъ только къ тому, чтобы другая половина приносила вамъ гораздо меньше дохода, нежели получалось бы вами съ нея тогда, когда бы другая половина не принадлежала къ вашей собственности. Что же вы теряете, лишаясь этой другой, убыточной для васъ половины? Ровно тоже самое, что теряетъ больной, лишаясь ревматизма, не дающаго ему владѣть правой рукой, или мозолей, мѣшающихъ ему» [2]).

Но оставимъ въ сторонѣ даже болѣе умѣренные изъ помѣщичьихъ разсчетовъ стоимости обязательнаго труда,— даже такіе разсчеты, изъ которыхъ все-таки вытекало, что выкупъ земли могъ состояться простымъ зачетомъ болѣе половины ихъ земельныхъ долговъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Возьмемъ «примирительный» разсчетъ самого Чернышевскаго. Имѣя въ виду, что, при освобожденіи личности безъ вознагражденія, «чѣмъ ниже мы оцѣнимъ обязательный трудъ, тѣмъ большая часть цѣнности останется на долю земли, подлежащей выкупу, слѣдовательно, тѣмъ выгоднѣе для владѣльца будетъ цифра выкупа», Чернышевскій принялъ цѣнность обязательнаго труда всего *за пятую часть* цѣнности крѣпостного имущества, хотя прекрасно зналъ, что «на самомъ дѣлѣ обязательный трудъ составляетъ, безъ сомнѣнія, *гораздо значительнѣйшую* часть общей суммы». Дѣлая далѣе «всевозможныя натяжки для возвышенія выкупной суммы», вродѣ принятія въ оброчныхъ имѣніяхъ гораздо болѣе благопріятныхъ для помѣщиковъ цѣнъ земли и личности, чѣмъ это есть на дѣлѣ, или гораздо болѣе благопріятнаго отношенія между количествомъ оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ,—все-таки при надѣлѣ, захваты-

вающемъ *половину* всей помѣщичьей земли, онъ получилъ ссуду въ 531.942.433 руб., всего на 82 милл. рублей превышающую долгъ помѣщиковъ кредитнымъ учрежденіямъ. Въ настоящее время, какъ это явствуетъ изъ приведенныхъ выше цифръ, выкупная сумма для половины частновладѣльческой земли превысила бы долгъ болѣе, чѣмъ въ два раза [1]). Итакъ, несмотря на огромный ростъ долговъ частнаго землевладѣнія, смѣшно говорить, будто благодаря этому выкупная операція можетъ быть произведена «еще легче, чѣмъ въ 1861 г.». Нѣтъ, несмотря на ростъ долга, благодаря еще болѣе стремительному росту земельныхъ цѣнъ, операція эта въ настоящее время по крайней мѣрѣ вдвое, если не втрое, труднѣе. Этотъ выводъ совершенно неопровержимо слѣдуетъ изъ всѣхъ имѣющихся данныхъ [2]).

Такъ вотъ почему для «облегченія» выкупной операціи г. Герценштейну и не оставалось ничего, кромѣ двухъ средствъ: 1) свалить возможно большую часть операціи на самихъ крестьянъ, и 2) возможно уменьшить размѣры предполагаемой имъ къ выкупу земли. Что касается первой мѣры, то, кромѣ всего прочаго, мы не можемъ не считать ее реакціонной еще и потому, что, какъ достаточно свидѣтельствуетъ прошлое, выкупаніе крестьянами переходящей въ ихъ пользованіе земли неизбѣжно развиваетъ въ нихъ взгляды на эту землю, какъ на свою исключительную, индивидуально оплаченную; оно является, такимъ образомъ, проводникомъ въ деревню частно-собственническихъ началъ. Что касается второго средства, то значеніе его очевидно: оно—самое простое, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самое лучшее средство для того, чтобы «окарнать» реформу...

---

[1]) Читатель замѣтилъ, конечно, что мы беремъ выкупную сумму по продажной цѣнности земли; это исключительно для того, чтобы получить данныя, сравнимыя съ разсчетами Чернышевскаго, основанными также на данныхъ о продажныхъ цѣнахъ. Г. Герценштейнъ предполагаетъ выкупъ по «справедливой оцѣнкѣ».

[2]) Намъ могутъ здѣсь возразить: но вѣдь вы берете для сравненія не ту сумму, въ которую дѣйствительно обошлась въ 1861 г. выкупная операція, а ту, въ которую она только должна была бы обойтись по разсчетамъ Н. Г. Чернышевскаго! Совершенно вѣрно—точно такъ же какъ мы беремъ не тѣ условія, при которыхъ совершится новая выкупная операція (если она будетъ), а тѣ, при которыхъ она должна бы была совершиться по разсчетамъ г. Герценштейна.

Впрочемъ, къ этому «послѣднему, вѣрному средству» г. Герценштейнъ подходитъ весьма нерѣшительно. «Какіе разряды крестьянъ должны быть надѣлены землей и въ какомъ размѣрѣ»—онъ не считаетъ возможнымъ опредѣлять «по какой-нибуль общей и однообразной нормѣ». Нѣкоторые предлагаютъ взять за норму высшій надѣлъ по реформѣ 1861 г., распространивъ ее на увеличенное земледѣльческое населеніе; г. Герценштейнъ готовъ разсматривать эту норму, какъ такую, которая «можетъ служить лишь схемой для примѣрнаго разсчета»; но считать ее больше, чѣмъ такой схемой, онъ не согласенъ. Еще менѣе онъ согласенъ съ тѣми, кто предлагаетъ положить въ основу земельнаго переустройства «учетъ потребностей населенія и исчисленіе того количества земли, которое необходимо при данныхъ условіяхъ хозяйства». Почему же? А потому, что послѣдствіемъ такой постановки дѣла должна быть «необходимость совершенно уничтожить частную собственность, передать всѣ частновладѣльческія земли въ пользу крестьянъ». Это значитъ—признать за земледѣльческимъ населеніемъ право на опредѣленное количество земли, необходимое для удовлетворенія потребностей; но тогда вѣдь нельзя же обидѣть и рабочихъ: необходимо будетъ одновременно признать «право рабочаго на опредѣленное вознагражденіе, право на трудъ, вообще цѣлый рядъ правъ, не мирящихся съ современнымъ правосознаніемъ». Не пугайте насъ такъ, г. Герценштейнъ. «Право рабочаго на опредѣленное вознагражденіе» — это значитъ установленіе минимальныхъ заработныхъ платъ; что-жъ тутъ такого страшнаго? Это—одно изъ главныхъ требованій профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, фигурирующее также въ *программахъ-минимумъ* многихъ соціалистическихъ партій; его проведеніе вполнѣ возможно въ рамкахъ современнаго индивидуалистическаго хозяйственнаго строя. Но «право на трудъ»! Вотъ новый жупелъ, выдвигаемый г. Герценштейномъ. Однако, что онъ разумѣетъ подъ «правомъ на трудъ»? Отжившую теорію Луи-Блана, что-ли? Но для чего ему понадобилось тревожить въ могилѣ прахъ покойника? «Спящій въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій». Правда, чтобы «живущій» дѣйствительно «жизнью пользовался», необходимо, чтобы общество признавало за нимъ право на честный заработокъ и вознаграждало бы его за лишеніе зара-

ботка не по своей винѣ. Это и имѣетъ въ виду современное «страхованіе отъ безработицы». Если угодно, въ основѣ этого страхованія также лежитъ признаніе своего рода «права на трудъ», или, общѣе сказать, права на существованіе. Если г. Герценштейнъ припомнитъ, резолюція послѣдняго международнаго соціалистическаго конгресса (въ Амстердамѣ) полагала признаніе за каждымъ человѣкомъ права на существованіе въ основу современнаго соціальнаго законодательства. Но—возражаетъ намъ г. Герценштейнъ—«мы тогда переносимся на совершенно другую стадію развитія, въ экономическую конструкцію другого порядка, не знающую права частной собственности ни на землю, ни на другія орудія производства».—Ошибаетесь, почтеннѣйшій: и минимальная заработная плата, и страхованіе отъ безработицы, и всѣ другія аналогичныя мѣры—все это мѣры, весь смыслъ которыхъ—именно лежитъ въ условіяхъ *современнаго* общества. Г. Герценштейнъ, очевидно, полагаетъ, будто требованіе перехода земли въ общественную собственность, какъ мѣра въ области земледѣлія, деревни, требуетъ—во имя справедливости—равнозначущаго акта и въ городѣ, т. е. передачи въ общественную собственность фабрикъ и заводовъ. Нерѣдко встрѣчающаяся ошибка, основанная на грубѣйшемъ смѣшеніи понятій. Обобществленіе земли не есть еще обобществленіе земледѣльческаго производства, не есть еще переходъ къ соціалистическому земледѣлію. И потому въ городѣ ему соотвѣтствуетъ вовсе не обобществленіе фабрикъ и заводовъ—послѣднее соотвѣтствовало бы вступленію и земледѣлія въ фазу соціалистической организаціи *производства*; а—что такое, какъ бы вы думали? Поломайте голову, не догадаетесь ли? Нѣтъ? Ну, такъ мы вамъ поможемъ. Уничтоженію частнаго землевладѣнія въ деревнѣ соотвѣтствовало бы въ городѣ—такое же уничтоженіе частнаго землевладѣнія, признаніе за городомъ верховныхъ правъ на распоряженіе всей земельной территоріей города. Это означаетъ *коммунализацію* (муниципализицію) городской земли, а тѣмъ самымъ и ренты. Ибо—по секрету мы можемъ вамъ это сообщить, г. Герценштейнъ—не для чего тревожить прахъ Луи-Блана, разыскивая въ городѣ что нибудь параллельное деревенской «соціализаціи земли»: въ городѣ также есть земля, смѣемъ васъ въ этомъ увѣрить; только ея существованіе въ городѣ законспириро-

вано, сокрыто отъ вашихъ глазъ: гдѣ—асфальтовымъ троттуаромъ, гдѣ—торцовой мостовой, гдѣ—закрывающими ее строеніями... Но земля всетаки тамъ есть, и стало быть есть и монополія, есть и монопольная рента, да еще чудовищно растущая—посмотрите-ка въ исторію растущихъ городовъ... Земля въ деревнѣ есть только *одно* изъ условій производства; она есть, далѣе, не только условіе земледѣльческаго, но и всякаго производства; она есть наконецъ условіе не только производства, но и жизни вообще—и даже, пожалуй, смерти, ибо три аршина земли на кладбищѣ до сихъ поръ всякому въ свое время бываютъ надобны... Проистекающій отсюда *особенный* характеръ поземельной собственности дозволяетъ *не отодвигать* вопроса объ ея уничтоженіи къ тому, еще достаточно отдаленному, времени, когда будетъ разрѣшенъ вопросъ объ уничтоженіи частной собственности на всѣ вообще средства и орудія труда.

Г. Герценштейна, какъ мы видѣли, ужасно безпокоитъ, что экспропріація земли затронетъ землевладѣльцевъ въ то время, какъ буржуазія фабрично-заводская, купеческая и кредитно-биржевая останутся нетронутыми. Поэтому онъ и... отвергаетъ экспропріацію земли. Но, по существу дѣла, этотъ практическій результатъ является довольно неожиданнымъ. Другой выводъ былъ бы гораздо логичнѣе. Если тутъ все дѣло въ томъ, чтобы не обидѣть чрезмѣрно землевладѣльцевъ сравнительно съ промышленниками, то г. Герценштейнъ могъ бы предложить вѣдь и нѣчто иное: напримѣръ, онъ могъ бы предложить извѣстное вознагражденіе по крайней мѣрѣ части землевладѣльцевъ *за счетъ* промышленниковъ—экстренный, спеціальный налогъ на товарно-торговый, индустріальный и денежный капиталъ для покрытія необходимыхъ, справедливыхъ расходовъ по проведенію земельной реформы. Это было бы осуществленіемъ, такъ сказать, взаимнаго страхованія имущихъ классовъ; равномѣрно распредѣляющаго убытки по экспропріаціи, надвигающейся поочередно на разные слои экспропріаторовъ. И приди г. Герценштейнъ къ такому, дѣйствительно довольно логичному выводу, онъ не встрѣтилъ бы въ насъ такихъ ожесточенныхъ противниковъ. Мы только полагаемъ, что не случайно возможность *такого* практическаго вывода ускользнула изъ его кругозора. Мы сильно боимся

также, что если бы онъ даже и вздумалъ придти къ этому выводу—врядъ ли онъ такъ оптимистически смотрѣлъ бы на вопросъ о томъ, «труденъ ли выкупъ земли». Боимся, что тогда онъ серьезно задумался бы надъ вопросомъ—вынесетъ ли русская промышленность тяжестъ выкупа? Боимся, что тогда онъ вспомнилъ бы о многихъ системахъ неполнаго и разсроченнаго вознагражденія по экспропріаціи... Боимся, словомъ, что онъ *опасливѣе* отнесся бы къ интересамъ капитала, чѣмъ теперь относится къ интересамъ крестьянства, которые должны быть удовлетворены его проэктомъ выкупной операціи...

* * *

Мы видѣли, что, при первой же сколько нибудь реальной и конкретной разработкѣ г. Герценштейномъ даннаго вопроса, либеральный лозунгъ, принимаемый имъ, претерпѣлъ цѣлый рядъ чрезвычайно характерныхъ превращеній, совершенно измѣнившихъ его фактическое содержаніе. Правда, г. Герценштейнъ по старой памяти даже въ разбираемой статьѣ еще говоритъ, что разбору всѣхъ частныхъ вопросовъ «должно предшествовать принципіальное признаніе необходимости *выкупа государствомъ*». Но изъ другихъ мѣстъ его статьи, какъ мы видѣли, достаточно явствуетъ, что—говоря словами катихизиса—«сіе нужно понимать духовно». Ибо «должно опредѣляться... въ зависимости отъ мѣстныхъ условій» даже то «какой критерій долженъ быть принятъ въ основаніе при опредѣленіи правъ того или другого разряда сельскаго населенія на *государственное содѣйствіе*». Значитъ, вмѣсто торжественнаго «выкупа государствомъ» мы имѣемъ болѣе скромное «содѣйствіе государства» при выкупѣ. Но вѣдь государство «посодѣйствовало» и въ 1861 году. *Кому* оно дѣйствительно посодѣйствовало и насколько—это ужъ другой вопросъ. Но вѣдь тотъ же «вопросъ» остается и въ примѣненіи къ плану г. Герценштейна. Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно до извѣстной степени найти у него же. Не на всѣ условія выкупа онъ набрасываетъ густой флеръ формулы «сообразно мѣстнымъ условіямъ». Онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ считаетъ нужнымъ очень ясно оговорить напримѣръ, что на мелкія владѣнія помѣщиковъ выкупъ простираться не долженъ; далѣе, что «необходимо принимать во внима-

ніе, какое вліяніе могло бы оказать на частновладѣльческое хозяйство принудительное отчужденіе земли; можно ли продолжать хозяйство на уменьшенной площади; не будутъ ли при измѣнившейся площади постройки слишкомъ обременительны и т. д. Наконецъ, при выкупѣ ему представляется необходимымъ условіемъ «стремиться къ сохраненію цѣльности хозяйственной единицы, чтобы не нарушить хозяйства и связанныхъ съ нимъ производствъ». Словомъ, сдѣлать такъ, чтобы выкупъ какъ будто былъ, и какъ будто его и не было. Задача, достойная отысканія квадратуры круга! Но—оговаривается еще г. Герценштейнъ—«я далеко не исчерпалъ тѣхъ условій, соблюденіе которыхъ желательно въ интересахъ частнаго землевладѣнія, основаннаго на собственномъ хозяйствѣ»...

Сюда же слѣдуетъ прибавить и другое замѣчаніе, которое г. Герценштейнъ дѣлаетъ ниже: онъ утѣшаетъ тѣхъ помѣщиковъ, которыхъ «не увеселяетъ» перспектива расплаты съ значительной частью долговъ, что вѣдь при ея погашеніи «для землевладѣльцевъ, у которыхъ будетъ выкуплена часть земли, откроется кредитъ; и они могутъ, въ случаѣ желанія, прибѣгнуть къ дополнительному залогу оставшейся у нихъ земли».

Итакъ: итоги и задачи реформы—бережно отнестись къ частному землевладѣнію, основанному на собственномъ хозяйствѣ; «пустить кровь» и этимъ оздоровить частное землевладѣніе, предпочитающее раціональному хозяйству болѣе легкіе способы кабальной эксплуатаціи; сохранить мелкихъ частныхъ землевладѣльцевъ и урѣзать крупныхъ, обычно отличающихся абсентеизмомъ, ликвидировать большую часть помѣщичьяго долга, дать въ руки землевладѣльцевъ наличныя оборотныя средства и при этомъ еще создать для землевладѣнія хорошія условія дополнительнаго залога оставшихся земель; нѣсколько улучшить матеріальное положеніе крестьянства, введя въ его жизнь въ то же время, въ видѣ выкупа, еще одинъ факторъ распространенія частно-собственническихъ понятій и взглядовъ.

Еще разъ пересмотрѣвши эти итоги, невольно изумляешься огромному сходству мотивовъ либеральной аграрной программы въ томъ видѣ, какъ ее проектируетъ г. Герценштейнъ, съ такой же программой нашихъ соціалъ-демократовъ. Да вѣдь это—все то же самое? Разница не въ за-

дачѣ, а въ исполненіи. И со стороны исполненія, несомнѣнно, либеральная программа г. Герценштейна отличается большей продуманностью и большей рѣшительностью въ самомъ основномъ пунктѣ. Она не цѣпляется за какіе-то старинные «отрѣзки» 1861 года и не прицѣпляетъ механически къ нимъ новыхъ, современныхъ потребностей. Она прямо ставитъ цѣль — нѣкоторое облегченіе крестьянской нужды на основѣ еще рѣзче проведеннаго стараго порядка земельной собственности, подрывъ легкихъ способовъ кабальной эксплуатаціи, толчекъ впередъ частному землевладѣнію въ сторону раціональнаго капиталистическаго хозяйствованія. Соотвѣтствіе этой цѣли — для нея единственный критерій реформъ, и, надо отдать ей справедливость, ея средства и ея цѣли въ полной гармоніи. Соціаль-демократамъ, придерживающимся тѣхъ же цѣлей, но осложняющимъ свою задачу несоотвѣтственными привѣсками, г. Герценштейнъ очень резонно и въ весьма популярной формѣ разъясняетъ, что «отношенія, которыя существовали при крѣпостномъ правѣ... давно прекратились. Отношенія, которыя устанавливаются въ настоящее время, построены на другихъ началахъ... Возстановленіе и нарушенныхъ, можетъ быть, интересовъ невозможно... Какъ бы ни были крестьяне надѣлены землей въ 1861 г., это имѣетъ только историческое значеніе и не можетъ быть почвой для новыхъ отношеній». Отсюда и понятные выводы даже, болѣе смѣлые въ смыслѣ вмѣшательства въ частную собственность, чѣмъ у соціаль-демократовъ. «Исходнымъ моментомъ не долженъ служить тотъ фактъ, что крестьяне 40 лѣтъ тому назадъ чего-то не дополучили, что они были обижены, что помѣщики надѣлили ихъ не всѣмъ тѣмъ количествомъ земли, которымъ они фактически владѣли до освобожденія. Если настаивать на исправленіи стараго правонарушенія, то, независимо отъ шаткости такого принципа и невозможности практически его осуществить, сильнѣйшимъ образомъ пострадали бы во многихъ случаяхъ интересы именно того сельскаго населенія, во имя котораго предлагается реформа. Такая постановка вопроса вела бы къ тому, что въ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне получили все, что имъ слѣдовало бы получить, и гдѣ вслѣдствіе прироста населенія потребность въ землѣ ощущается въ самой сильной степени, пришлось бы оставить всякую мысль о дополнительномъ на-

дѣлѣ. Равнымъ образомъ въ мѣстностяхъ, гдѣ за помѣщиками осталось мало земель, крестьяне должны были бы оставаться въ прежнемъ положеніи».

Все это, разумѣется, совершенно вѣрно, и свидѣтельствуетъ только о томъ, что соціаль-демократическая аграрная программа есть просто плохо продуманная и непослѣдовательно проведенная либеральная аграрная программа. Потому же въ соціаль-демократической аграрной программѣ и вопросъ о выкупѣ поставленъ весьма неопредѣленно. Какъ извѣстно, хотя въ ней размѣры выкупаемой земли и низведены до minimum'а («отрѣзки»)—все-таки предполагается выкупъ, именно въ тѣхъ случаяхъ, если «отрѣзки» эти переходили изъ рукъ въ руки путемъ купли-продажи. Это свидѣтельствуетъ лишь снова и снова о фатальномъ недостаткѣ у соціаль-демократовъ принципіальности при рѣшеніи аграрной проблемы.

Мы—противники самой идеи «выкупа». За это насъ готовы иногда обвинять въ безсердечности. Какъ!—спрашиваютъ насъ: вы хотите безвозмездно отнять землю у цѣлаго класса? Но на что вы обрекаете множество лицъ даннаго класса, не имѣющихъ иныхъ средствъ существованія? Вѣдь вы ихъ совершенно разоряете, пускаете по міру съ сумой! Вѣдь они сами—жертвы извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ, а вы хотите всѣхъ ихъ лично наказать за грѣхи строя, ихъ создавшаго! Это несправедливо, это противорѣчитъ даже простой гуманности!

Мы не можемъ принять этого возраженія, потому что оно основывается на полномъ смѣшеніи понятій. Это—два совершенно различныхъ вопроса и различныхъ принципа. Одно дѣло—точка зрѣнія права. Если мы признаемъ за помѣщиками *право* на землю, которой они владѣютъ, то мы естественно приходимъ къ идеѣ объ *уплатѣ* имъ за отчужденіе этого права по его настоящей стоимости, и наоборотъ, согласіе на выкупъ есть косвенное признаніе, косвенная санкція правъ частнаго владѣнія. Другое дѣло—точка зрѣнія гуманности. Не признавая этого права и потому не выкупая его, общество можетъ изъ филантропическихъ соображеній придти къ мысли о необходимости оказать матеріальную поддержку лицамъ, пострадавшимъ отъ общественнаго катаклизма,—совершенно такъ же, какъ оно оказываетъ поддержку лицамъ, пострадавшимъ отъ какого-нибудь есте-

ственнаго природнаго катаклизма, напр., отъ землетрясенія на Мартиникѣ. Но здѣсь является уже совершенно иной критерій. Помощь оказывается только тѣмъ, кто безъ нея дѣйствительно не можетъ обойтись, и только постольку, поскольку помощь эта необходима для того, чтобы пострадавшіе отъ переворота могли встать на ноги, приспособиться экономически къ новымъ условіямъ жизни, напр. научиться какому либо производительному труду, какой-нибудь профессіи. Противъ оказанія *такой* помощи—разумѣется, сообразной съ состояніемъ общественной кассы, ибо нельзя заниматься филантропіей въ ущербъ другимъ общественнымъ обязанностямъ—никакой соціалистъ ничего не можетъ имѣть. Но, строго выдерживая свою принципіальную точку зрѣнія, онъ не можетъ признавать правъ собственниковъ, не можетъ санкціонировать ихъ своими дѣйствіями, не можетъ поддерживать идеи выкупа. И потому мы предоставляемъ это оппортунистамъ всѣхъ цвѣтовъ и ранговъ, прикрываются ли они либеральными или марксистскими тогами, являются ли они эксъ-народниками или эксъ-соціальдемократами. И въ настоящее время мы считаемъ болѣе, чѣмъ когда либо. цѣлесообразнымъ систематически бороться противъ современной проповѣди новой выкупной операціи, которую такъ хитроумно обставляютъ различные Витте русскаго либерализма. Пусть же они знаютъ, что мы съумѣемъ открыть крестьянству глаза на истинный характеръ ихъ проектовъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли на примѣрѣ г. Герценштейна, внутреннее содержаніе не всегда соотвѣтствуетъ внѣшнему облику.

Въ этотъ разъ намъ пришлось остановиться на прожектахъ г. Герценштейна. «Ему же убо урокъ—урокъ; а ему же дань—дань; а ему же честь—честь». Причины такой чести, оказанной г. Герценштейну, понятны. Еще на знаменитомъ «аграрномъ съѣздѣ» онъ выступилъ едва ли не главнымъ лидеромъ «выкупного» теченія, въ компаніи съ тамъ же заблудившимся г. Мануиловымъ. Г. Герценштейну принадлежитъ рядъ рефератовъ, а теперь и статей по данному вопросу, онъ далъ наиболѣе серьезную разработку этого пункта либеральной программы; онъ—не только либеральный публицистъ, но и ученый, спеціалистъ въ нѣкоторыхъ областяхъ финансовой науки. Наконецъ, г. Герценштейнъ—воинствующій сторонникъ идеи выкупа, въ ея за-

щиту онъ ведетъ кампанію на два фронта: не только направо, но и налѣво. Поэтому приходится и намъ начать съ этого будущаго министра финансовъ либеральнаго кабинета. Но, въ заключеніе нашей статьи, мы обѣщаемъ, что самымъ внимательнымъ образомъ будемъ слѣдить за продолженіемъ либеральной кампаніи въ пользу выкупа, за всѣми ея глашатаями и теоретиками, чтобы оцѣнить по достоинству плоды усилій каждаго. Стоя на стражѣ интересовъ трудового крестьянства, рабочаго земледѣльческаго населенія, тѣсно связанныхъ съ интересами всего рабочаго класса и въ частности индустріальнаго пролетаріата, мы не устанемъ предостерегать его противъ всего этого опаснаго прожектерства, не устанемъ повторять все громче и громче нашъ лозунгъ—долой эту новѣйшую выкупную бѣлую и черную магію!

Книги союза издателей.

Книгоиздательство Вл. Распопова.

Ан—скій, С. Семидесятникъ. Бытовыя сцены въ 1-мъ дѣйствіи. Ц. 7 к
Бахъ, А. Экономическіе очерки Ц. 15 к.
Брешковская, Е. Изъ моихъ воспоминаній. Ц. 8 к.
Вандервельде. Идеализмъ въ марксизмѣ. Съ предисловіемъ. Ю. Гар денина. Ц. 7 к.
Гарденинъ, Ю. (В. Черновъ). Марксъ и Энгельсъ о крестьянствѣ. 25 к
Крестьянскіе союзы въ Сициліи. Ц. 6 к.
Новоторжскій, Г. Соціализація земли. Изд. 2-ое (исправленное). 7 к
Поливановъ, П. Алексѣевскій равелинъ. Съ портретомъ автора. Ц. 20 к
Р. Р. Соціализація земли. Ц. 5 к.
Чайковскій, Н. Чартизмъ. Ц. 20 к.
Черновъ, В. Къ вопросу о выкупѣ земли. Ц. 10 к.
Шишко, Л. Сергѣй Михайловичъ Кравчинскій и кружокъ чайков цевъ. Съ портретомъ Н. В. Чайковскаго. Ц. 12 к.
Шэфле. Сущность соціализма. Съ примѣчаніями П. Лаврова. Ц. 20 к

Книгоиздательство «Колоколъ» («Народная мысль»).

Арнольди. (П. Лавровъ). Кому принадлежитъ будущее. Изъ руко писей 90 г.г. Ц. 30 к.
Бахъ, А. Экономическіе очерки. Ц. 15 к.
Ив. Вольный. За вѣру, царя и отечество. Ц. 8 к.
Кравчинскій, С. Андрей Кожуховъ. Романъ. Ц. 60 к.
Николаевъ, П. Личныя воспоминанія о Н. Г. Чернышевскомъ. Ц. 15 к
Рудинъ, А. Что говорятъ соціалъ-демократы деревенской бѣднотѣ. 10 к
Танъ. Новое крестьянство. Ц. 25 к.
Тарасовъ, К. Міровой ростъ и кризисъ соціализма. Ц. 10 к.
Черновъ, В. Изъ практики соціалистическаго движенія въ Венгріи и Италіи. Ц. 10 к.

Книгоиздательство «Молодая Россія».

Вихляевъ, П. Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія. Ц. 20 к
Грей, И. Рабочій вопросъ и земельная реформа. Ц. 25 к.
Максимовъ, Н. Къ критикѣ марксизма. Ц. 10 к.
Подолянинъ. Классовая пролетарская борьба въ странѣ всеторже ствующаго капитализма. Ц. 10 к.
Рафаиловъ, М. О критикѣ и догмѣ, теоріи и практикѣ. Ц. 7 к.
Тарасовъ, К. Міровой ростъ и кризисъ соціализма. Ц. 10 к.
Черновъ, В. Къ теоріи классовой борьбы. Ц. 10 к.
Шишко, Л. Къ вопросу объ аграрной программѣ въ связи съ те оріей научнаго соціализма. Ц. 10 к.

Книгоиздательство «Новое Товарищество».

Закъ, С. Земля и капитализмъ Ц. 25 к.
Черненковъ, Н. Къ характеристикѣ крестьянскаго хозяйства. Ц. 80 к
Черновъ, В. Крестьянинъ и рабочій, какъ экономическія категоріи. 15 к
» Монистическая точка зрѣнія въ психологіи и соціологіи. 15 к
» Марксъ и Энгельсъ о крестьянствѣ. 25 к.